

***Александров Анатолий Алексеевич,**
кандидат исторических наук,
старший научный сотрудник
Псковского государственного
объединенного историко-архитектурного
и художественного музея-заповедника*

СОЛОВЕЙ-РАЗБОЙНИК В РУССКОЙ БЫЛИНЕ

В нескольких русских былинах есть несколько странный для русского эпоса персонаж – Соловей-разбойник. Он сидит на ветвистом дубе и своим разбойным свистом за много вёрст убивает всякого, кто едет «дорожкой прямоезжей». Ничего похожего ни в традиционных сказках, ни в других былинах нет. Напротив, по-видимому, другие фольклорные персонажи испытали на себе воздействие этого лица. Вокруг этого образа в литературе – преимущественно научно-популярной – образовалось уже немало легенд. Цель настоящей заметки одна – проследить: могло такое быть или не могло. Сразу же надо отметить, что Соловей действует в пространстве былины, а отнюдь не сказки. Былина – со всеми её приукрашенностями – это, прежде всего, то, что действительно было.

Представляется существенным, что былины называют Соловья «птица рахманная». В связи с таким определением былины, Соловья даже пытались представить в птичьем облике и, как верно замечено, «... едва ли ошибались те из учёных, которые почувствовали в Соловье нечто чуждое всему строю русской мифологии и, в частности, на этом основании искали в фольклоре других народов происхождение свойств чудовища-птицы» [Аникин, 1964, с. 95]. Гениально замечено. Действительно, такого персонажа в русской мифологии больше нет, хотя образ птицы тут совершенно ни при чём.

Попытаюсь прояснить ситуацию с Соловьём, исходя из дошедших до нас сведений. По былине, заколодивший прямой путь на Киев Соловей для киевских властей – это, прежде всего, разбойник. Не какая-то тогдашняя уголовная мелочь – по-древнерусски тать, а преступник высшего ранга, так сказать, политический преступник. В этом значении слово *разбойник* сохранялось до позднейших времён: Разин – это разбойник, Пугачёв – это тоже разбойник. Оба были угрозой престолу и существовавшему тогда в России государственному порядку. Чем же страшен для стольного Киева и великого князя Владимира скромный фольклорный персонаж, затерявшийся в Брянских лесах? По былине, складывается впечатление, что не перекрой он прямоезжую дорожку, о нём бы вообще никто не вспомнил.

Итак, «птица рахманная». В словаре В. И. Даля находим слово *рахманний, рахманый* в значении *вялый, хилый, неразвязный, смиренный, скучный, простоватый, глуповатый, нерасторопный*, или *веселый, разгульный, беседливый, хлебосольный, тороватый*, или *тихий, кроткий, смиренный, ручной*, или *пополам с дурью*. По внимательном прочтении текстов вариантов былин об Илье Муромце, где упоминается Соловей, становится ясно, что ни одно из этих значений к нему не подходит. Между тем, древнейшая русская летопись – «Повесть временных лет» – рахманов знает: так она называет «... бактриан, называемых иначе рахманами или островитянами; эти по заветам прадедов и из благочестия не едят мяса и не пьют вина, не творят блуда и никакого зла не делают, имея великий страх божьей веры» [ПВЛ, I, 1926, стб. 14-15]. В целом же получается некое культовое самоограничение. Сравнение, казалось бы, неожиданное – как можно соотнести разбойника брянских лесов и бактрианина-рахмана? Но не будем спешить.

Новгород. 990-й год нашей эры. Киевские войска Добрыни и Путяты, посланные князем Владимиром, приступают к крещению Новгорода. История крещения Новгорода изложена В. Н. Татищевым в его «Русской истории» по не дошедшей до нас Иоакимовской летописи в рассказе от первого лица одного из крестителей. Новгородцы креститься не хотят:

«Высший же над жрецы славян Богомил, сладкоречия ради наречён Соловей, вельми претя люду покоритися»,

то есть, всеми силами запрещает новгородцам принимать крещение. Это он и есть. Конец же был предсказуем:

«Добрыня же, собра вои, запрети грабление и абие идолы сокруши, деревяннии сожгоша, а каменнии изломав, в реку вергоша; и бысть нечестивым печаль велика».

Это 990-й год [Рапов, 1988, с. 259-260].

Достоверность этого приведённого Татищевым фрагмента сейчас не вызывает сомнений среди историков; более того, археологически прослежены следы пожара конца X века, который отмечен в упомянутом фрагменте. Как известно, после порядочной сечи и поджога Новгорода со стороны крестителей, город был крещён. Языческому жрецу в таком городе делать было больше нечего – ему надо было спасать свою голову. То есть уйти в такое место, где обнаружить его было бы крайне трудно. Такие места и в Ранней Руси, и затем в Древней Руси были. Христианство базировалось на городах, тогда как целые крупные славянские племена ещё продолжали пребывать в язычестве. Языческих систем тогда было две [Александров, 2010, с. 5-39], плюс западнославянское влияние. Особой славой в этом языческом контексте пользовалось племя вятичей. Ещё Владимир Мономах в своём поучении к детям упоминает, что один раз он проехал из Киева в Ростов «сквозь вятичей» – тогда это был подвиг. О более раннем времени и говорить не приходится. В эти времена на территорию многочисленного и воинственного племени вятичей со стороны Киевской Руси возможны были только до зубов вооружённые рейды с многочисленной профессиональной дружиной, но и это было очень опасно.

А «уйти в леса к вятичам» значило тогда спрятаться так основательно, чтобы никто не нашёл [Ключевский, 1904, т. 1, с. 351]. Именно это и сделал Соловей. Известны были предания, из коих явствовало, что Соловей-разбойник – это беглый языческий жрец, скрывшийся в лесах [Забылин, 1880, с. 200]. Отсюда и былинное выражение: «птица рахманная» или, как сказали бы сейчас, «птица высокого полёта». Статус Соловья-разбойника былина знает, но раскрывает его своеобразно, намёком, сравне-

нием с положением индийского брахмана-рахмана. Вполне может быть, что во время создания этой былины прямое упоминание могло быть небезопасно для составителя, исполнителя и слушателей. А вот намёк был понятен.

По-видимому, обосновавшись в вятических лесах, Соловей немало способствовал тому, чтобы язычники-вятичи находились в оппозиции к официальному, уже христианизированному Киеву. В результате этих усилий «дорожка прямоезжая», которая шла через вятическую землю, на длительное время стала непроходимой. В каком-то узком месте, где этот путь шёл через неведомую пока речку Смородину, где других путей не было, Соловей лично контролировал ситуацию, издавая страшный свист, который убивал путников. Справиться с вятичами Киев не мог – патовая ситуация затянулась на неопределённо долгое время. Былина утверждает, что на 30 лет (надо думать, с 990 года), но это явное преувеличение: сам князь Владимир дожил только до 1015 года.

Но за всё это время, по былине, «дорожка прямоезжая» порядочно заросла. Соловей же продолжал благоденствовать в вятических лесах, творя там разбои, то есть нежелательную для Киева политику, и закрывая прямой путь. А Илья Муромец, крестьянский сын, по той же былине, в это время сидел сиднем на печи и набирался сил для будущих подвигов: явление едва ли возможное – мало кто мог бы усидеть больше пары секунд на раскалённой низкой печке-каменке (а других тогда здесь не было), не разрушив её своим тыловым местом и не получив на оном серьёзные ожоги. Вот за печкой будущий богатырь сидеть мог – тут и спорить не о чем. Всё это имело место быть в былинном и доньине существующем селе Карачарове. Давно указывали на то, что реальный Илья Муромец жил около 1188 года, но вот-де народная память переместила его во владимировы времена [Афанасьев, 1983, с. 87].

Б. А. Рыбаков же считал, что было два Ильи, образы которых в былинах совместились; так вот, здесь и далее речь идёт о первом Илье, который был современником князя Владимира. Он обратил также внимание на то, что некоторые былины об Илье Муромце могут быть объяснены лишь исходя из исторических

реалий конца X века, и датировал он их 988-1000 гг. [Рыбаков, 1963, с. 77].

Правда, есть ещё и немецкие источники об Илье Муромце и его отношении к князю Владимиру. И этим источником следует верить больше. Так, немецкая поэма «Ортнит», записанная в 1220-1230 гг. на основании устных немецких сказаний, бытовавших на протяжении нескольких веков, упоминает имя Ильи Русского – «Ilias von Riuzen». Это дядя короля Ортнита по материнской линии. В поэме «Ортнит» Илья назван королём – «kunek von Riuzen». Упоминается Илья и в скандинавской «Саге о Тидреке Бернском», где он назван ярлом. Согласно этой саге, Илья Муромец приходится братом князю Владимиру, а согласно «Ортниту», он руководит пятитысячной дружиной [Глазырина, 1978, с. 193, 194, 199-200, 201]. При всех преувеличениях источников, с такой дружиной вполне можно пройти прямоезжим путём, прокладывая дорогу, мостя мосты и не особенно опасаясь негостеприимных вятичей. Что, по-видимому, Илья и сделал. Дело, в общем, рутинное – киевский вооружённый отряд наводит порядок на границах владений Руси. И летопись, кстати, сообщает о том же под 996 годом:

«И сильно умножились разбои, и сказали епископы Владимиру: "Вот умножились разбойники; почему не наказываешь их?" Он же ответил: "Боюсь греха". Они же сказали ему: "Ты поставлен богом для наказания злым, а добрым на милость. Следует тебе наказывать разбойников, но по проверке". Владимир же отверг виры и начал наказывать разбойников...»

Вот где-то в 996-997 гг., в русле борьбы с разбойниками всех мастей, началась антитеррористическая операция и княжеские дружины были приведены в движение. Тогда-то и мог состояться поход Ильи для расчистки прямоезжего пути. Как раз на этом пути Илья и его дружина и могли наехать на Соловья – в полном соответствии с сообщениями былин.

По пути Илья Муромец освобождает некий русский город, осаждённый врагами, причём враги эти – не то кочевники, не то разбойники – в разных былинах – по-разному. Отмечено, что

названий этого города в былинах много – он называется и Себеж, и Бежегов, и Турчев или Тургов, и Бекетовец, и Чернигов, и Орехов, и Обалков, и Кинешма или Кидоша, и Чиженец, и Смолягин, и по-другому. От этого города местные мужики и показывают Ильё прямой путь на Киев, длиной в пять сотен вёрст, который перекрыл Соловей-разбойник. Путь же в объезд – вдвое длиннее. Отсюда Илья едет со своим отрядом к месту, где и засел Соловей. Название и, соответственно, место города не определить, но затем в былинах перечисляются места, где проезжал далее Илья Муромец. Прямой путь к месту гнезда Соловья-разбойника пролегает

*«... у той ли у Грязи-то у Чёрной,
да у той ли у берёзы, у покляпыя,
да у той ли речки у Смородины,
у того креста у Леванидова,
сидит Соловей Разбойник Одихмантьев сын».*

Давно высказано предположение о том, что в тексте былины речь идёт о реальной топонимике. В Курской области есть два села с названием Чёрная Грязь, одно из которых – на реке Свапе в Дмитриевском районе, а другое – на реке Сейм, напротив устья Свапы. По былине, это первое место после освобождённого Ильёй города. Приблизительно в пяти километрах севернее села Чёрная Грязь расположено крупное городище Старгородское у села Старый Город. Согласно археологическим исследованиям, городище в X веке во времена князя Владимира уже существовало. Общая его датировка – X-XIII вв. Городище это действительно находится приблизительно в 500 км от Киева. Так что, реальное расстояние вполне совпадает с былинным [Александров Ю., 1969, с. 16-17].

Но далее былина упоминает в качестве географического маркера покляпую берёзу. Справедливо отмечено, что чего-чего, а берёз по пути могло быть очень много. Даже и «покляпых». По словарю В. И. Даля, слово *покляпый* означает *поклепый, понурый, свислый, наклонный, пригнутый книзу, кряковатый, нагнутый*. Там же: *«Прямо к реке Каме на покляпый, грановитый (гранный, межевой) вяз»*, а это уже ориентир. То есть «по-

кляпые» деревья служили иногда некими межевыми знаками и рядом с ними могли быть какие-то другие ориентиры, обозначающие границу или рубеж. Кроме того, хорошо известно, что в языческой Руси существовали поклонные места, где почитались камни, деревья и источники. В этом случае на них навешивались ленточки, клались приношения. Так, известно, что на Белоозере близ первой в тех местах церкви Василия Великого «в прежние лета тут было молбище за олтарём, берёза да камень, и ту берёзу вырвало из корня, да и камень взяло из земли да в Шексну и потопило» [Ключевский, 1904, т. 1, с. 374].

Рядом с культовыми деревьями лежали культовые камни. На ветвях деревьев рядом с такими традиционными местами почитания кое-где до сих пор висят разноцветные лоскутки. Пропустить такое «молбище» по пути было невозможно. Топонимика также даёт привязку: приблизительно километрах в семи к югу от села Чёрная Грязь, на правом берегу Свапы, расположено большое старинное село Берёзы при устье реки Берёзы, которое опять же трудно было пропустить по пути. В самом селе был найден клад арабских монет диргемов X века. Рядом с селом расположены два городища, одно из которых, Мойсеевское, относится к эпохе Киевской Руси [Александров Ю., 1969, с. 17].

После этого в былине упоминается некая речка Смородина, или Смородинка. Топоним совершенно реальный. Смородина – это русское производное от смородь – «сильный запах, смрад, вонь» [Шанский, 1961, с. 310]. Отношения к ягоде смородине былинный топоним, скорее всего, не имеет. Так, известна речка Смородинка, правый приток Оки, немного южнее истока реки Свапы [Александров Ю., 1969, с. 16]. Естественно, это не былинная Смородина, которая должна была бы находиться на пути вдоль правого берега Свапы, южнее Чёрной Гязи и покляпой берёзы – предположительно – села Берёзы. Кроме того, река Смородинная протекает в Брянском крае недалеко от города Карачева. Согласно былине, река эта действительно «неширокая» и «неглубокая». На берегу Смородинной находится древнее село Девятидубье. Местные старожилы показывали даже огромный пенёк, который, согласно преданию, сохранился от девяти дубов Соловья. Здесь же – урочище Соловьёв перевоз. Показы-

вали и на место, где находилось гнездо Соловья-разбойника [Аникин, 1982, с. 49].

Затем былина в качестве ориентира упоминает некий «Леванидов крест», или «славный Леванидов крест». Скорее всего, этот приметный крест был каменным и связывался с именем некого «Леванида», то есть Леонида (имя, опять же, христианское). Возможно, крест связывался с именем какого-либо проповедника христианства, проходившего в тех местах и стяжавшего там славу. Это, в свою очередь, заставляет вспомнить именно «Игнач-крест» в Новгородской земле, отмеченный в летописи как ориентир, от которого повернули назад татары. Название «Игнач» – притяжательное от имени Игнатий, опять же – христианское. Скорее всего, Леванидов крест, в продолжение пути по правому берегу Свапы, стоял где-то на берегу реки и был хорошо виден с дороги. В X веке, когда только что прошла христианизация русских городов, памятных крестов, наверняка, было очень мало, все они были известны и даже имели иногда собственные имена.

Наконец, близ устья реки Свапы среди болот есть городище с названием Соловейня, или, по-другому, Соловень-гора, где, как будто, жил Соловей-разбойник [Плечко, 1985, с. 16]. Само название реки Свапы восходит к санскриту: свап-svap означает «спать», то есть Свапа – ‘Спящая’ [Гусева, 2002, с. 306]. Название вполне соотносимо с какими-то культовыми действиями, которые наверняка производил там беглый языческий жрец. Где-то здесь летопись и размещает «поселье Соловьиное». Археологические разведки выявили слой X-XIII вв.

Согласно былине, Соловей-разбойник встретил Илью Муромца, сидя на трёх, семи или девяти дубах – разные версии – близ речки Смородина и именно здесь Илья богатырской стрелой сразил Соловья и взял его в плен. А вот до поселения, где жили дети Соловья, они добирались ещё некоторое время. Иначе говоря, выявляются два места, связанные с деятельностью этого персонажа: первое – близ Карачева – река Смородинная (былинная Смородина) и село Девятидубье с пнём от девяти дубов Соловья-разбойника и местом его стационарного «гнезда», второе – Соловейня, или Соловень-гора, близ устья реки Свапы. Оба места разделены неким путём, что, в целом, соответствует

былине. Места оказываются совершенно реальными. Никаких мифов здесь нет. А вот X век есть. Другое дело – свист Соловья-разбойника, от которого замертво падает всё живое: и люди, и лошади. Но об этом речь впереди.

А пока посмотрим, нет ли в былинах каких-либо подробностей о самом Соловье – пока ещё – не разбойнике. Думаю, что искомые подробности есть. Известна былина о Соловье Будимировиче. Этот Соловей приезжает на Русь из-за моря, из некоей земли, куда обращали свой взор восточные славяне и где находилась земля славян западных. В X веке там располагались могущественные племенные союзы лутичей и бодричей. Там же, на острове Руяна (ныне Рюген), жило славянское племя раны, в земле которых находилось почитаемое во всех славянских землях святилище бога Святовита. Так вот, Соловей Будимирович приплывает на Русь из города «Леденца», из земли «Веденецкой»:

*«Из-за славного синя моря Вольнского,
Из-за того Кодольского острова,
Из-за того лукоморья зеленова».*

Предполагается, что Соловей – это западнославянский мореплаватель или просто славянин, который прибыл на Русь с Балтийского моря [Вилинбахов, 1971, с. 226-227]. При этом, «море Вольнское» – это «Волинское море», т. е. Балтика, на южном побережье которой располагался богатый славянский торговый город Волин. Далее в былине упоминается город «Леденец», который сопоставляется с названием древнего эстонского города Lyndanissa – название долгое время сохранявшееся в эстонском фольклоре. В некоторых вариантах былины море «Вольнское» заменено названием моря «Пирянского», или «Вирянского», что восходит к средневековому названию прибрежного района Эстонии Wironia, Wirland. Русские летописи жителей этого района называют «вируяни» или «вирьяны». Остров же «Кодольский», мимо которого плыл Соловей, – это искажённое название острова Готланда, средоточия водных путей в восточной Балтике. А вот исходный пункт плавания – «земля Веденецкая» – это «земля Венедская» (венедами или вендами немцы до сих пор называют древнее славянское население на

землях Германии). В «зелёном лукоморье», которое размещается в былине рядом с исходной славянской родиной Соловья, видят сильно искажённое «Зеландское лукоморье» (поморье) – остров Зеландия между Данией и Швецией, к югу от которого располагались земли бодричей, а к юго-востоку – остров Рюяна. Таким образом, Соловей Будимирович приплывает на Русь из балтийско-славянских земель, а затем по пути «из варяг в греки» добирается уже до Киева. Наиболее вероятное время возникновения этой былины – это X-XI вв. Тогда, судя по находкам западнославянской керамики фельдбергского и фрезендорфского типов (из земли бодричей) на русском Северо-Западе, из тех «венедских» земель много и охотно плавали на Русь [Вилинбахов, 1971, с. 226-229].

Предположим, что Соловей Будимирович никакого отношения к Богомилу Соловью и, тем более, к Соловью-разбойнику не имеет. Но не слишком ли много Соловьёв пело на одном и том же пространстве, на одном и том же высоком элитарном уровне и в одно и то же время? Будем внимательны. Посмотрим, чем занялся Соловей Будимирович, добравшись, наконец, до Киева. Хотя былина называет Соловья «богатым гостем», то есть купцом, едва ли это так. Б. А. Рыбаков также отметил, что «герой былины, конечно, не простой путешественник, не купец. Он возглавляет "дружинушку хоробрую", он не везёт на своих кораблях никаких товаров, кроме драгоценных цареградских даров невесте и её родителям и золота для подарков русским князьям. Его корабль с "муравлёным чердаком", золотыми сходнями и шёлковыми парусами сходен с королевскими кораблями 1060-х годов, изображёнными на знаменитом "ковре" королевы Матильды... Высокое положение Соловья Будимировича явствует и из того, что, прибыв в Киев, он направляется в княжеский дворец, где удивляет всех своими богатыми дарами. Князь Владимир предлагает ему разместиться в хоробах любого князя или боярина, но Соловей строит свои терема рядом с дворцом самого князя Владимира, в его саду. Владимир не отдаривает гостя подарками, а предлагает наградить его чисто по-феодалному – дать ему города с пригородами или сёла с присёлками» [Рыбаков, 1963, с. 83].

Итак, одарив князя Владимира с княгиней, Соловей испрашивает разрешения построить в саду княжеской племянницы, Забавы Путятишны, «снаряден двор». Подумав, князь дал согласие. С вечера к полуночи «двор» был готов – три златоверхих терема с сенями, а в теремах:

*«На небе солнце, в тереме солнце;
На небе месяц, в тереме месяц;
На небе звёзды, в тереме звёзды;
На небе заря, в тереме заря
И вся красота поднебесная».*

После пробуждения Забава видит эти неожиданные терема в своём саду. Дело кончается свадьбой Соловья и Забавы, что для купца даже в былине совершенно невероятно. Совершенно ясно, что Соловей или не тот, за кого он себя выдаёт, или не тот, за кого его считает былина. Украшения терема более соответствуют украшениям языческого храма, а способ его постройки за несколько часов напоминает способы возведения позднейших обетных деревянных церквей в течение суток. Наконец, князь не может отказать Соловью в выборе участка земли – даже в саду его племянницы. Если Соловей – купец, всё это абсолютно нелепо, а вот если языческий жрец высшего ранга... почему бы и нет? То же относится и к сватовству Соловья к племяннице князя.

Происхождение имени Соловей некоторое время было предметом дискуссии: так, предполагали, что имя это может быть иноязычного происхождения, и связывали его с древнеисландским собственным именем Solvi или с древнешведским Salve. Восточнофинские варианты происхождения имени Соловья-разбойника представляются неубедительными [Фасмер, 1987, т. 3, с. 711-712]. В настоящее время исследователи отказались и от скандинавских сопоставлений, предпочитая чисто славянскую этимологию. Слово «соловей» – общеславянское, образовано от «солвь» – «серый, желтоватый». Однако всё не так просто, поскольку, в связи с событиями, связанными с восстанием галатов в Малой Азии в 168 г. до н. э., упоминается вождь этих галатов по имени Соловеттий [Бенгтсон, 1982, с. 286-287].

Галаты – это те же кельты, только переселившиеся в Малую Азию. Учитывая же кельтское культовое наследие у западных славян – конструкцию языческих храмов, многоглавые божества, культ отрубленных голов и т. д., отдельные кельтские имена вполне могли сохраняться в культовой практике и дойти до X века.

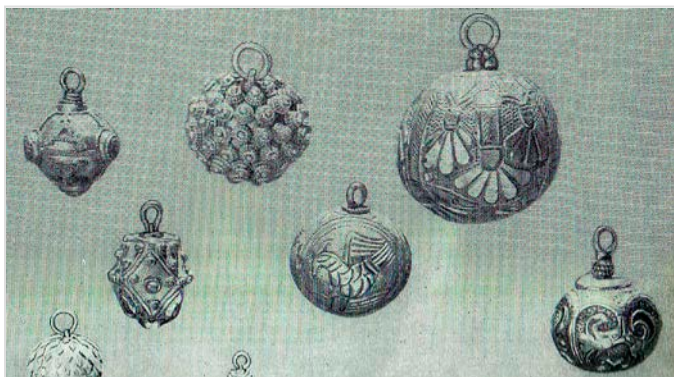
Наряду с отчеством Соловья – Будимирович, есть также отчество Одихмантьевич. То есть сын некоего Одихмантия. Или даже Будимира Одихмантия. Допускаю, что когда-нибудь будет найдено кельтское соответствие и имени этого Одихмантия, но слово поддаётся дешифровке и со стороны славянских языков. «Одѣжа» – исконно русская форма слова «одежда», то же – в современном украинском языке.

Однако посмотрим, как мог выглядеть языческий волхв в парадной одежде. Известно древнерусское слово *манѣтия*. Слово «мантия» греческого происхождения. Оно обозначало длинную монашескую одежду, не имеющую рукавов и облегающую всё тело за исключением головы. Кроме того, существовала императорская мантия – «златотканая верхняя длинная одежда, возлагаемая на Монарха при короновании в церкви, она иначе с греческого называется *порфира*» [Дьяченко, 2004, с. 297-298].

На одной из миниатюр Радзивилловской летописи есть уникальный рисунок – здесь изображён волхв. (Рис. 1). Волхв этот, по летописи, появился в Новгороде при князе Глебе в 1071 г. На лице у волхва – ни бороды, ни усов, он гладко выбрит, волосы длинные, выющиеся, тогда как все другие фигуры на миниатюре – с бородами. Фигура волхва – с поднятыми на уровень груди и протянутыми вперёд руками. На волхве длинное, до пят, широкое одеяние с широкими же рукавами. Из рукавов видны манжеты рубахи. От шеи на плечи спускается широкий ворот, или пелерина. Эта часть одежды покрыта косой штриховкой. Спереди одеяние застёгивается «разводами» с очень большими пуговицами, видимо, типа тех, что известны по великоморавским древностям. (Рис. 2). Всего от нижней части до рук таких пуговиц 10, до верха одеяния их могло быть 14-15. В отличие от одежды других фигур на миниатюре, это одеяние спускается до земли и даже немного волочится сзади, по ходу фигуры [Радзивилловская летопись, 1994, т. 2, л. 106].

Рис. 1. Древнерусский волхв.

Рис. 2. Крупные пуговицы. Великая Моравия.

По-видимому, образ не выдуман, а взят из реальной жизни. А одеяние данного волхва – это и есть мантия. Следовательно, мантии волхвы носили, по крайней мере, по мнению летописца-иллюстратора. Имя или титул Одихмантий могло значить в одном из западнославянских языков или диалектов буквально «Одетый в мантию», что соответствовало рангу языческого жреца. Или, по крайней мере, имя это могло именно так восприниматься славянами.

Возникают и другие вопросы. Известно, что сам князь Владимир – уроженец северных земель. В эпизоде с отказом Рогнеды, когда Владимир сватался к этой гордой полоцкой скандинавке и получил отказ, в обычной версии летописи Рогнеда называет его «робичичем» – сыном рабыни, а вот в другой версии – «кривитеином» – кривичем. Здесь в упрёк Владимиру может быть поставлено только его рождение в земле кривичей, в веси Будутиной, вероятно, в нынешней деревне Будник под Псковом. Здесь, в северных землях, до самого XIII века звучал древненовгородский, или кривичский, язык, который просто соотносят с праславянским. В этом северном мире, скорее праславянском, чем чисто славянском, были свои обычаи и своя этика, а также, вероятно, и свой вариант язычества.

Судя по характеристике Соловья Богомила, здесь была также субординированная языческая система с верховным жрецом во главе, что характерно, как раз, не для восточных, а для западных славян. Из земель этих самых западных славян приплывает и Соловей Будимирович, который и должен был вписаться как раз в эту северную, а отнюдь не в южную языческую систему; в Киеве же в этом отношении ему делать было совершенно нечего. Иначе говоря, напрашивается вывод, что верховный жрец языческих славян в Новгороде Богомил Соловей, Соловей Будимирович былины и беглый языческий жрец Соловей-разбойник – это одно и то же лицо, вполне историческое. Если верить былине, то через брак с племянницей князя Забавой Путьяшной он даже приходится свойственником самому князю Владимиру. Если же сама Забава – это дочь того самого Путьяты, что вместе с Добрыней крестил Новгород огнём и мечом, то ситуация становится ещё более эпической.

Есть и ещё один любопытный момент в истории с Соловьём-разбойником. Он живёт замкнуто – с дочерьми и зятями. Дочерей – по былине – три. Илья задаёт Соловью вопрос: «Что у тебя дети во единый лик?» Ответ Соловья в высшей степени примечателен:

*«Я сына-то выращу – за него дочь отдам;
Дочь-то выращу – отдам за сына,
Чтобы Соловейкин род не переводился».*

Ох уж, этот «единый лик» с инцестом... Прямо-таки портретная галерея династии Птолемеев на Руси... Даже для X века такой обычай весьма странен. Другое дело, если языческий жрец вне своего сообщества, довольно узкого и замкнутого, не мог вступать в родство с обычными людьми. От своего сообщества он был отрезан, а нарушить запрет не мог. Отсюда и вся эта былинная экзогамия, которая в обычаях восточных славян никак не вписывается – ни в обычаи южных язычников с их строгой моногамией, ни в обычаи более северных племён с их многожёнством. Есть попытка В. П. Аникина соотнести сии обычаи с летописной голядью, балтийским племенем, которое где-то здесь и жило: «Если бы это предположение подтвердилось, то наука получила бы право более определённо говорить о месте, откуда Соловей прилетел в русский эпос...» [Аникин, 1964, с. 93-94]. Но эти попытки тоже вряд ли продуктивны, поскольку и у балтов такая экзогамия неизвестна. Тут Соловей опять, в очередной раз, выпадает из системы обычаев Восточной Европы.

Отмечалось, что «образ Соловья гораздо старше Ильи Муромца: если первый представляет собой стёршееся в значительной степени в народной памяти родовое начало, то Илья во всём блеске является выразителем государственных интересов... Соловья мы себе не представляем (так же как и былинный сказитель)... Соловей какой-то неясный, почти забытый, прошедший длительный период трансформаций и искажений в многолетних устных передачах древний образ. Соловей ещё дохристианский, родовой образ» [Мирзоев, 1978, с. 35]. Дальше Мирзоев углубляется в дебри тотемистических представлений, но я за ним туда

не последую. В конечном счёте, исследователь характеризует Соловья как лешего, который «свистит, шипит и лаёт, наводя ужас и смерть... леший здесь не безобидное существо поздних сказаний, а страшный демон, обладающий громадной силой» [Мирзоев, 1978, с. 38-39, 42]. Иначе говоря: да леший он, леший! Оставьте его в покое! И кому как не ему водиться с разбойниками. По всему видно, что филологи, имея дело с образом Соловья-разбойника, испытывали явное беспокойство, поскольку образ этот никак не укладывался в привычный им контекст славянского фольклора.

Итак, дорожка прямоезжая «заколодела... замуравела».

*«А сидит там во сыром дубе на реченьке,
У того ли дуба, дуба у Невиды,
Как у той ли реченьки Смородинки,
Как у той ли грязи, грязи черной,
Как у той ли у березоньки поклапой,
У того ль у креста Леванидова,
Сидит Соловей-разбойник, Одохмантьев сын.
Как засвищет Соловей по-соловьиному,
Закричит, собака, й по-звериному,
Зашипит, проклятый, по-змеиному –
Так все травушки-муравы улетаются,
Все лазоревы цветочки осыпаются,
А что есть людей вблизи, так все мертвы лежат!»*

Оказывается, что дуб, на котором или в котором сидит Соловей, носит имя собственное – Невид. В былинах «Добрыня и Василий Казимиров» упоминается близкое название дуба – Невин:

*«Они сделали сговор промежду собой,
Где съехаться в раздольице чистом поле, –
На тех на дороженьках крестовых
У славного у сыра дуба у Невина,
У того у камня у Латыря».*

Едва ли рядовой дуб, даже очень ветвистый, имел имя. А вот культовый – вполне может быть. Известно, что дубы почитались

в Восточной Европе. Самый знаменитый из них известен на острове Хортица – его почитание описано в середине X века у византийского императора Константина Багрянородного [Константин, 1989, с. 49]. В Днепре был найден кусок дуба с вмонтированными в него кабаньими клыками. Так что, дуб Невид, или Невин, вполне прочно ложится в эту языческую традицию. Что делал на дубе беглый языческий жрец – так это его, жреца, дело. Должно быть, с высоты дуба хорошо просматривалась «дорожка прямоезжая», а главное то, что не движется ли по ней кто-нибудь. Например, Илья Муромец, о существовании которого Соловей прекрасно знал.

Естественно, Соловей жил не на дубе, а в некоем тереме или подворье, обнесённом тыном, а на тын были надеты человеческие черепа [Рыбаков, 1963, с. 73]. Такое «подворье» с тыном вокруг более всего соответствует небольшому городищу или огороженному двору. А вот человеческие черепа на тыне, с одной стороны, уводят в мир русской сказки – в цикл о Бабе-Яге, а с другой – заставляют вспомнить о реальном культе черепов и отрубленных голов у разных народов мира, в том числе и в Европе. Жрец же, хотя бы и беглый, это и есть служитель языческого культа. Правда, культ у него какой-то странный и в Восточной Европе, вроде бы, не принятый – с черепами. Наиболее известен культ отрубленных голов у кельтов, но кельтское язычество на материке кончается приблизительно в V в. н. э., постепенно сходя на нет на перифериях ареала. В том же V веке с востока на этой периферии ареала появляются первые славяне. В итоге, происходят какие-то кельто-славянские контакты, которые хорошо известны в литературе [Kostrzewsky, 1962, s. 228]. А у западных славян, вероятно, в результате этих контактов, появляется культ отрубленных голов. Несомненно, что западные славяне, которые появлялись в Восточной Европе, были хорошо знакомы с этим культом. Известно, что у чехов следы такого культа сохранялись до развитого средневековья: после судебного поединка победитель, по обычаю, отрубал побеждённому голову [Афанасьев, 1994, т. 2, с. 276].

В городе Пискове во время ведения археологических раскопок в материке у крупного камня (вероятно, культового) в ямке был найден череп человека с нижней челюстью, то есть голова.

Рядом находились погребения по обряду сожжения на стороне, помещённые в горшки-урны, в том числе и в западнославянские горшки. Вероятно, перед нами западнославянское влияние на погребальный обряд.

Естественно, что, будучи верховным жрецом новгородских славян, Богомил Соловей распространял своё влияние далеко за пределы Новгорода и его ближайшей округи. Известно, например, что после крещения Новгорода и Пскова в оба города был назначен один епископ, что могло отражать ещё дохристианскую структуру культовой практики этих земель. Под 991 годом летопись сообщает:

«Крестися Володимер [и вся Руская земля]... [... Того же лета в Киеве Леонт митрополит всяя Руси постави] Новгороду [и Пскову] архиепископа Иоакима Корсунянина...»

[Сводная летопись, 1876, с. 92].

Понятно, что в псковско-новгородских пределах могли остаться некие материальные следы такого влияния, поскольку Соловей – из западных славян. Ясно, что искать такие материальные следы надо рядом с крупнейшими населёнными пунктами – городами того времени. Кое-что в этом отношении известно. Так, в конце XIX века стоял «любопытный памятник старины в восьми верстах от Старой Руссы: колоссальный камень с изображением человека. Есть местное предание, что это надгробие над целым отрядом воинов, но нельзя решить, относится ли этот памятник к христианскому времени или к языческой поре» [Протоколы заседаний, 1901, с. 384]. Весьма вероятно, что это и было такое плоскостное изображение языческого божества. Примечательно, что это изображение было в пределах местности возле Старой Руссы, в Околорусье, как именовалась эта местность, где проживала древнейшая Русь – руссы-скандинавы IX-X веков. А там, где были в это время на Руси скандинавы, были обычно и западные славяне.

Другое изображение языческого божества находится близ крупнейшего славянского городища у д. Подоржевка, которое я неоднократно осматривал и фиксировал сам. (Рис. 3). Здесь

также есть антропоморфное изображение на плоской стороне каменной стелы; вероятно, на груди изображения также имелся рог, от которого сохранилась нижняя изогнутая часть его. Судя по фотографии, сделанной при боковом освещении, устье рога было в районе правой руки изваяния. Голова ромбовидная, отделена от туловища подтёской, так что образуется острый подбородок. Но самое примечательное здесь – это глаза. Они круглые, диаметром по 8 см.

Рис. 3. Каменный идол у д. Подоржевка.

Совершенно ясно, что здесь имеют место быть следы кельтического наследия – это попытка изобразить в плоскости огромные выпуклые глаза, которые известны на нескольких изваяниях кельтских божеств: например, в Gloucester [Dillon, Chadwick, 1975, tabl. 12] или под Шкловом в Белоруссии [Штыхов, Захаренко, 1971, табл. 12]. Учитывая, что на самом городище Подоржевка была найдена скандинавская булавка с зооморфным навершием для кольцевидной фибулы, отрицать циркумбалтийские связи населения этого городища никак нельзя. Во всяком случае, жрецы, которые высекали подоржевского идола, были явно западнославянского происхождения. Правда, есть один очень похожий по обводам корпуса идол в Литве. В средней части его корпуса виден также изогнутый нижний контур, по-видимому, от рога, расположенного устьем в районе правой руки изваяния. Также выделена лицевая часть, но подбородок – закруглённый, а вместо двух круглых глаз, как у подо-

ржевского идола, – один правильный крупный круг. Надпись под фотографией – *Akmuo merga* – «Девичий камень» [Tarasenska, 1958, 7 psl.].

Подобный круг известен на маленьком идольчике, который стоял напротив идола с рогом в руках в с. Ставчаны Хмельницкой области [Винокур, 1967, с. 138, рис. 2: 2]. Идольчик, очевидно, изображал женскую фигуру. Круг же в обоих случаях – суть солнечный символ и к этому моему повествованию имеет только опосредованное отношение. Поэтому западнославянское влияние Богомила Соловья здесь выглядит предпочтительнее. Особый вопрос – почему подоржевский идол не был основательно «изломан» и сброшен в воду, как в Новгороде. Хотя слом с одной стороны у него есть – поэтому ныне идол несимметричен. Но, в целом, сохранность идола вполне приличная. Дело, по-видимому, в том, что городище это было покинуто жителями до этой даты, то есть, до 990 года: по археологическим материалам, это произошло где-то в конце X века. Во всяком случае, там не найдено в слое даже раннекруговой керамики – вся она ещё лепная, предкруговая.

Но вернёмся к Илье и Соловью-разбойнику. Согласно текстам былин, когда Илья приводит пленного Соловья к месту его постоянного жительства, к его сыновьям, дочерям и зятям, последние сначала пытаются освободить Соловья силой; в том числе они оборачиваются чёрными воронами с железными клювами: этих воронов одно время даже отождествляли с ветрами [Афанасьев, 1994, т. 1, с. 309]. Затем родственники предлагают Илье богатый выкуп за пленника. Так вот, «в былинах Илья никогда не выспрашивает и не может выспрашивать Соловья о его богатстве. Наоборот, он всегда отказывается от богатого выкупа, который ему предлагает за мужа жена Соловья. И если в одном-единственном случае Илья всё же берёт выкуп, то по приезде в Киев он часть его отдаёт сиротам, часть предоставляет городу Киеву, себе же не берёт ничего» [Пропп, 1958, с. 245]. Момент чрезвычайно существенный. Илья Муромец в былинах христианин, и отношение его к ценностям, имевшим отношение к языческому жрецу и к отправлению языческого культа, может быть только отрицательное. Хотя и писалось о Соловье, что «в

глубоких погребях его множество награбленных богатств – золота, серебра и скатного жемчуга...» [Порфирьев, 1913, с. 73], о происхождении этих ценностей в былинах никаких сведений нет. Меж тем, известно, что в одном из житий святых начала VII века есть рассказ, как Бог отверг литургический сосуд, сделанный, как потом выяснилось, руками скрытого язычника [Курбатов, Фролов, Фроянов, 1988, с. 171]. Языческие ценности не нужны христианам; более того, они совершенно неприемлемы для них.

Другой общий момент в былинах: Соловей убивает свистом, но никогда никого не грабит, хотя богатства – и немалые – у него есть. Грабят другие, которых былина называет станичниками. Былины говорят о трёх заставах Соловья – это лес, болото и река, тогда как застава одна – местопребывание Соловья – в лесу и очень часто у реки. Застава, по былинам, – это пограничный сторожевой пост, который задерживает нарушителей границы [Пропп, 1958, с. 250]. Это, как раз, и есть место у речки Смородины близ села Девятидубье, на том самом дубе, от которого показывали памятный пень местные жители. Там Соловей сидит у моста через речку Смородину, где другого пути нет.

Аналогии Соловьёву свисту есть, но поздние: А. Н. Афанасьев приводит некую рукописную повесть XVII века, где свистит некий змей: «Начаша змий великий свистати; от Змиева свистания падоша под ними (послами) кони». Затем автор, по своему обычаю, сообщает, что «в образе Соловья-разбойника народная память олицетворила демона бурной, грозовой тучи». Приводит он и морское поверье, что свистом можно накликать бурю и что при стихающем ветре моряки обыкновенно «свистят по ветер» [Афанасьев, 1983, с. 90]. Но одной метеорологией свист Соловья не объяснить. Буде окажись А. Н. Афанасьев в X веке на речке Смородине, Соловей-разбойник показал бы ему «грозовую тучу»!

Нечто более близкое и вполне материальное находим в сагах – в Босасаге и в саге о Вельсунгах. Так, у Боси была с собой большая арфа, в которой можно запрятать человека. Такая арфа – и в саге о Вельсунгах, где ею владеет Хлеймир и в неё прячется дочь Сигурда и Брунгильды Аслауга. Когда начинают пить в честь богов, Боси берётся за арфу. Он играет так чудно, что все

свободные вещи приходят в движение. Застучали ножи, зазвенели тарелки. И раз уж его игра так действует на неодушевлённые предметы, то тем более ей поддаются гости – и все танцуют без усталости [Тиандер, 1906, с. 298]. Танцы – это от искусства игрока или магии музыки, а вот перемещение вещей – это вполне может быть явлением звукового резонанса.

Расстояние «соловьиного свиста» тоже разное: так, в одной белорусской сказке это 12 вёрст, а в другой меньше: «А там Соловей-разбойник свил себе гнездо на двенадцати дубах и живёт в нём. А он за три версты свистом людей убивал. Как только завидит кого, свистнет – и нет того человека» [Белорусские народные сказки, 1958, с. 125, 129].

Пришла очередь и соловьиного свиста. Соловей «свистит с такой силой, что всё живое падает мёртвым, дрожат горы, трясётся земля, вода мутится с песком, деревья падают». Сам же звук «описывается как свист соловья, как змеиный шип, собачье мызгание, львиный рёв» [Пропп, 1958, с. 252, 253]. Однако вне былинного контекста звуки, издаваемые Соловьём, не вполне понятны. Обратимся к текстам былин. Вот несколько вариантов:

*«Засвистал Соловей по-соловьиному,
А в другой зашипел по-змеиному,
А в третьи зрявкает по-звериному».*

*«Посвисти, Соловей, по-соловьиному,
Пошипипи, змей, по-змеиному,
Зрявкой, зверь, по-туриному».*

*«Засвистал Соловей по-соловьиному,
Зашипел Соловей по-змеиному,
Заревел Соловей по-звериному».*

*«А как ревьёт-то Соловейко да по-звериному,
А свистит Соловейко по-соловьиному,
А сидит-то собака, шипит по-змеиному».*

В сказке-былине Илья «услышал свист соловьиный, рёв звериный, и покрывалось всё это шипом змеиным» [Илья Муромец, 1958, с. 21, 24-25, 43, 50, 321].

Казалось бы, для былины достаточно констатировать, что свист был и свист этот смертелен для всего живого. Но былина даёт больше информации: она приводит последовательный перебор звуковых модуляций этого «свиста» и перечисляет их довольно подробно. Странная, на первый взгляд, подробность.

Естественно, по всему перечисленному, возникает вопрос: а возможен ли такой звук? По крайней мере, с такими характеристиками и такими разрушительными и смертоносными качествами. Да, возможен. Во-первых, это «голос моря» – звуковые колебания вследствие морского волнения, которые, при определённой частоте, убивают моряков. Во-вторых, подобный эффект также хорошо описан в известном библейском сказании об «иерихонских трубах» (Нав. 6: 14-15), от рёва которых (со стороны осаждавших) рухнули стены города Иерихона. Скорее всего, это вовсе не сказка и не миф. Как полагают израильские исследователи, это остаток некоего чудесного древнего знания, которое было известно тогда, но не дошло до наших дней. Как показали раскопки, стены Иерихона действительно упали: наружная стена – наружу, внутренняя – внутрь. Это могло произойти на рубеже XIV-XIII вв. до н. э. [Иерихон].

Но кроме стационарной «трубы иерихонской», у Соловья было и какое-то переносное устройство – то, что он донёс с собой до Киева и там применил – на потеху князю с княгиней и публике. Правда, публике от этого легче не стало.

В былине, чтобы потешить князя Владимира с княгиней,

«И говорит Илья Муромец таково слово:

– Свистни, Соловейко, в полсвиста.

Свистнул Соловейка во весь голос:

Сняло у палат верх по оконички.

Разломало все связи железныя,

Попадали все сильны могучи богатыри,

Упали все знатны князи-бояре,

Один устоял Илья Муромец»

[Илья Муромец, 1958, с. 321].

Илья вместе с князем и княгиней находился в безопасном месте, в той зоне безопасности, где и сам оператор, в данном случае – Соловей-разбойник. А вот свистнуть в полсвиста Соловей не мог – должно быть, технические возможности не позволяли: такого звука в ползвук не бывает!

Есть в сказке-былине об Илье ещё одна существенная деталь: едет Илья и «видит вдруг – стоят двенадцать дубов, верхушками свились в одно место. А корни их скованы толстым железом. Не доехал Илья три поприща и вдруг услышал свист соловьиный, рёв звериный, и покрывалось всё это шипом змеиным. И от того свиста соловьиного, рёва звериного, шипа змеиного конь споткнулся у Ильи Муромца на передние ноги» [Илья Муромец, 1958, с. 321]. Иначе говоря, в распоряжении Соловья-разбойника находился некий первобытный инструмент для извлечения нужного звука, сделанный из толстого железа.

Вся эта грозная массивная «труба иерихонская» была нацелена на одну и ту же точку – на мост через речку Смородину, на которой, по одному сказанию, костей человеческих было по колёно навалено. Вариант былины сообщает также, почему Илья всё-таки приблизился к Соловью, по крайней мере, на выстрел из лука.

Что касается трёх былинных поприщ, с которых Илья стрелял по Соловью, то известно, что поприще составляло 1000 больших шагов, или 690 сажений в дореволюционном исчислении [Дьяченко, 2004, с. 457]. Это составляет 1469,7 м. Три поприща – 4409,1 м, то есть, грубо, – 4,4 км. Для сравнения: византийский лучник бил на 132 метра [Кучма, 1991, с. 385-386]. Английский профессиональный лучник времён Эдуарда III мог выстрелить на 400 ярдов, то есть на 366 метров [Окшотт, 2006, с. 343]. На севере американского континента тяжёлые охотничьи индейские луки прицельно били на полкилометра. Тяжёлые турецкие луки били на 850-878 м [Медведев, 1963, с. 31] – но это уже рекорд! Современные винтовка Мосина и автомат Калашникова прицельно бьют на те же 800 метров. И это всё. От трети до половины поприща – максимум – было то расстояние, с которого мог стрелять и попасть в цель Илья, а никак не три поприща. Но прицельная дальность стрельбы из лука обычно была меньше. Где-то с этой позиции Илья Муромец подстрелил Со-

ловья из лука, выбив ему «правое око со косицею», пленил его и привёз с собой в Киев к князю Владимиру. Косица в русских народных говорах – это висок [ЭССЯ, вып. 11, 1984, с. 140]. Так что насчёт «ока со косицею», выбитого боевой стрелой из тяжёлого лука, – сомневаюсь, поскольку такая рана несовместима с жизнью; скорее была применена тупоконечная охотничья стрела с попаданием в голову с расчётом недолговременной контузии. При этом «правое око» тоже вполне могло пострадать.

Естественно, возникает вопрос: а почему Илья и его конь остались в живых? Хотя коню, по былинам, явно было плохо. Ответ есть в одном из вариантов былин, где сообщается, что накануне Соловей праздновал день рождения одной из дочерей. Повидимому, наутро он был в таком состоянии, что не смог достичь нужной для него смертельной частоты звука хотя бы на треть поприща: не «дотянул» или какой-то сбой у него случился.

Вопрос вопросов – откуда такие знания у языческого жреца, хотя бы даже и высшего разряда? Хотел бы я знать! Как отмечено выше, кельтское наследие известно в культовой языческой практике западных славян. Высшее же сословие кельтских жрецов – друиды – воспитывалось и образовывалось в глубокой тайне. Обучение было только устным и длилось 25 лет. Знания друидов ушли вместе с ними. Друидическая система и сами друиды были уничтожены римлянами. Есть даже предположение, что это и была основная цель римских войн в Кельтике и Британии. Этой цели римляне, безусловно, достигли. Но кое-что друиды успели передать славянам на западе. Возможно, что это кое-что было передано в значительном объёме, и даже весьма существенное. С другой стороны, во время войн Цезаря в Галлии и войн римлян в Британии максимум, на что были способны кельтские жрецы, так это на попытки применения магии. Если бы у них было что-то ещё, так они это «ещё» против римлян, конечно бы, применили. Но этого не было, так что вопрос о происхождении «трубы иерихонской» у Соловья-разбойника остаётся открытым.

А в Киеве всё это кончилось тем, чем и должно было кончиться – покосившиеся терема и здания, частью без крыш, уби-

тые и контуженные люди, лежащие на земле. Да и самому Соловью срубил Илюша Муромец голову. А тело Соловья, по одному из вариантов былин, было разрублено на части и сожжено [Иванов, Топоров, 1982, с. 460]. Прах, должно быть, развеяли по ветру.

Так окончил свою жизнь Богомил Будимирович Соловей – сначала послушник языческого храма в Арконе на Руяне в «зелёном лукоморье», потом – верховный жрец языческих славян в Новгороде, в конце жизни – разбойник.

Уходящий языческий мир громко хлопнул дверью.
Эпоха закончилась.

Литература

Александров А. А. Язычество на Северо-Западе Восточной Европы // Псков в отечественной истории : материалы научно-практической конференции 22-23 ноября 2010 г. Псков, 2010.

Александров Ю. Где родилась былина? // Знание-сила. 1969. № 6.

Аникин В. П. К мудрости ступенька. М. : Детская литература, 1982.

Аникин В. П. Русский богатырский эпос. М. : Просвещение, 1964.

Афанасьев А. Н. Древо жизни : избранные статьи. М. : Современник, 1983.

Афанасьев А. Н. Поэтические воззрения славян на природу. Т. 1-2. М. : Индрик, 1994.

Белорусские народные сказки. М. : Государственное издательство художественной литературы, 1958.

Бенгтсон Г. Правители эпохи эллинизма. М. : Наука, 1982.

Вилинбахов В. Б. Былина о Соловье Будимировиче в свете географической терминологии // Русский фольклор. Т. 12. Л. : Наука, 1971.

Винокур И. С. Языческие изваяния среднего Поднепровья // История и археология юго-западных областей СССР начала нашей эры. М. : Наука, 1967. (МИА ; № 139).

Глазырина Г. В. Илья Муромец в русских былинах, немецкой поэме и скандинавской саге // Методика изучения древнейших источников по истории народов СССР. М. : Наука, 1978.

Гусева Н. Р. Славяне и арьи. Путь богов и слов. М. : Гранд : ФАИР-ПРЕСС, 2002.

Дьяченко Г. М. Полный церковно-славянский словарь. М. : Отчий дом, 2004.

Забылин М. Русский народ : его обычаи, обряды, предания, суеверия и поэзия. М. : М. Березин, 1880.

Иванов В. В., Топоров В. Н. Соловей-Разбойник // Мифы народов мира : энциклопедия. Т. 2. М. : Советская энциклопедия, 1982.

Иерихон [Электронный ресурс] // Путеводитель по Израилю : [сайт]. URL: <http://guide-israel.ru/places/8634-ierixon/> (дата обращения: 24.02.2016).

Илья Муромец. М. ; Л. : АН СССР, 1958.

Ключевский В. О. Курс русской истории. Ч. 1. М., 1904.

Константин Багрянородный. Об управлении империей. М. : Наука, 1989. С. 49.

Курбатов Г. Л., Фролов Э. Д., Фроянов И. Я. Христианство. Античность, Византия, Древняя Русь. Л. : Лениздат, 1988.

Кучма В. В. «Стратегикон» Маврикия // Свод древнейших письменных известий о славянах. Т. 1. М. : Наука, 1991.

Медведев А. Ф. Ручное метательное оружие : (Лук и стрелы, самострел), VIII-XIV вв. М. : Наука, 1963. (САИ ; вып. Е1-36).

Мирзоев В. Г. Былины и летописи – памятники русской исторической мысли. М. : Мысль, 1978.

Окшотт Э. Археология оружия. М. : Центрполиграф, 2006.

Плечко Л. А. Старинные водные пути. М. : Физкультура и спорт, 1985.

Повесть временных лет. Лаврентьевская летопись. Ч. 1. // ПСРЛ. Т. 1. Л., 1926.

Порфирьев И. Я. История русской словесности. Ч. 1. Казань, 1913.

Пропп В. Я. Русский героический эпос. М. : Гослитиздат, 1958.

Протоколы заседаний Отделения археологии русской и славянской Императорского Русского археологического общества за 1899 и 1900 годы : Заседание 6-го ноября 1899 года. III. // ЗРАО. Т. 12, вып 1 и 2. СПб., 1901.

Радзивиловская летопись. [Т. 2]. СПб. : Глаголь ; М. : Искусство, 1994.

Рапов О. М. Русская церковь в IX – первой трети XII в. Принятие христианства. М. : Высшая школа, 1988.

Рыбаков Б. А. Древняя Русь : Сказания. Былины. Летописи. М. : Наука, 1963.

Сводная летопись, составленная по всем изданным спискам летописи Л. И. Лейбовичем. Вып. 1 : Повесть временных лет. СПб., 1876.

Тиандер К. Поездки скандинавов в Белое море. СПб., 1906.

Фасмер М. Этимологический словарь русского языка. Т. 3. М. : Прогресс, 1987.

Шанский Н. М., Иванов В. В., Шанская Т. В. Краткий этимологический словарь русского языка. М. : Учпедгиз, 1961.

Штыхов Г. В., Захаренко П. Н. Древние сокровища Белоруссии. Минск : Беларусь, 1971.

Этимологический словарь славянских языков. Праславянский лексический фонд. Вып. 11. М. : Наука, 1984.

Dillon M., Chadwick N. K. Ze swiata celtow. Warszawa : Panstwowy Instytut Wydawniczy, 1975.

Kostrzewsky J. Celtyckie elementy w kulturze slowianskiej : Slownik starozytnosci slowianskich. T. I, cz. 2. Wroclaw ; Warszawa ; Krakow : Wydawnictwo Polskiej Akademii Nauk, 1962.

Tarasenka P. Pėdos akmenyje : (Lietuvos istoriniai akmenys). Vilnius : Valstybinė politinės ir mokslinės literatūros leidykla, 1958.

Список сокращений

ГРВЛ – Главная редакция восточной литературы

ЗРАО – Записки Русского археологического общества

МИА – Материалы и исследования по археологии СССР

ПВЛ – Повесть временных лет

ПСРЛ – Полное собрание русских летописей

САИ – Свод археологических источников

ЭССЯ – Этимологический словарь славянских языков